

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Мои воспоминания. 1850–1865

<Фрагмент>

IV

1854–1855 годы

<...> К концу весны много говорили о новом Стрелковом Императорской Фамилии полке. Он составлен был по желанию Императора Николая из крестьян удельного ведомства. В начале лета этот замечательный полк выступил на царский смотр в Царском Селе. Красота этого зрелища нового полка была замечательна. Люди были на подбор: один стройнее, красивее и ловчее другого. Первоначальная форма его была самая красивая сравнительно со всеми потом последовавшими изменениями. Полком командовал на этом первом смотре министр уделов, старик-красавец, граф Лев Перовский¹, с Андреевской лентой через плечо. Государь Николай Павлович, Наследник и все остальные Великие Князья были в той же стрелковой форме. Особенно красив в этом мундире был Император Николай. Крики «ура», огласившие после смотра Софийское поле, — длились несколько минут.

К концу лета, на том же Софийском поле², помню еще более потрясающее по впечатлениям зрелище. Лагерь военно-учебных заведений был в Царском Селе. Вечером в один из июльских дней было назначено окончание лагеря и производство выпускных в офицеры. Наследник Александр Николаевич, в мундире военно-учебных заведений и в каске с знаменитым сиянием, окружавшим орла, без султана, вел кадет на Софийское поле. Настроение молодежи было сильнее воинственного. Пошли раскаты бесконечно-громкого «ура». Когда кончился смотр, Император подозвал к себе всех новых офицеров и сказал им прощальное слово. Каждое слово громко

звучало в воздухе, потому что молчание царило торжественное. Вид этих сотен юных молодцов, окружавших Императора, притаивших дыхание, с каким-то обожанием глядевших на своего Государя и жадно внимавших Его словам, сознание, что глаза их горят потому, что в эту минуту, лучшую минуту их жизни, силы и расцвета, у каждого на душе — мысль о славной смерти за свою родину, за своего Царя, и что в этой мысли о смерти за родину тайна этих веселых, вдохновенных и влюбленных в Государя своего молодых лиц, — все это придавало зрелищу что-то не выразимое никаким словом. После первых слов приветствия молодежи прозвучали слова о трудном положении России, потом звучный голос Государя заговорил об его вере в русскую армию, и затем в конце речи прозвучали торжественные звуки прощания. Прощайте, дети, приведет ли нам Бог увидаться, не знаю, но моя мысль и мое отцовское благословение с вами; кто будет в бою, пусть помнит об этом: за честь России не страшно умереть. Бог с вами, дети мои, прощайте! Вот приблизительно слова, сказанные Императором. Голос в нем не дрогнул, но на глазах Императора блеснули слезы, все стоявшие вблизи их увидели; заплакали тогда многие юноши, но то были чудные слезы молодых героев, детей, прощающихся со своим обожаемым отцом, и едва смолк голос Государя и его правая рука поднялась, чтобы благословить свою семью новых офицеров, как сквозь слезы все эти лица засияли, все крикнули такое «ура», какого я никогда после не слышал, птенцы бросились к Императору; они подскакивали до его груди и целовали ее, они покрывали поцелуями руку, кто хватал его саблю, кто бросался к лошади, желая на ней поднять и понести Государя, и эту улыбку, добрую, ласковую и глубоко задушевную, с которой глядел Император на свою семью офицеров, разумеется, нельзя было забыть, как не забыли и того, что все мы, стар и мал, глядевши на эту картину, плакали навзрыд. <...>

